

5. Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999.
7. Хесле В. Философия и экология. М., 1991.
8. Холл Р. Х. Организации: структуры, процессы, результаты. СПб., 2001.
9. French P. Collective and Corporate Responsibility. N.Y., 1984.

**«Кодекс профессиональной этики
образовательного сообщества»:
обсуждение концепции***
(Материалы круглого стола)

*Бондаренко Л. И., Гусев Д. А.,
Ларионов И. Ю., Овчинникова Е. А.,
Положенцев А. М., Перов В. Ю.,
Щукин Д. А.*

Перов В. Ю.: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Позвольте открыть круглый стол, своеобразный теоретико-практический семинар, посвященный анализу «Концепции Кодекса профессиональной этики образовательного сообщества», который был утвержден Советом Российского Союза ректоров (РСР), и предполагается, что он будет принят в этом году на Всероссийском Съезде ректоров. Так или иначе, в случае принятия, он будет затрагивать нас всех, и как субъектов образовательного пространства, и как специалистов в области этики.

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ (Проект № 12-03-00505).

Я подготовил сообщение, что-то вроде доклада по предложенному тексту. Коллеги тоже подготовили комментарии или самостоятельные, или совместно. Мы попытаемся сделать анализ, который сможет быть представлен в виде некоторого экспертного заключения для Российского Союза ректоров, поскольку до 1 октября на сайте РСР есть электронный адрес для предложений и комментариев.

Некоторая преамбула, своеобразная «историческая справка» — все это началось с того, что было подписано 13 февраля Постановление Правительства РФ за подписью нынешнего президента, Путина В. В. Хорошая формулировка, не могу удержаться — «Поручение по реализации положения статьи» — именно *статьи*, а не концепции, документа или программы. В частности, там есть указания в отношении создания профессиональной этики для четырех министерств. При всех моих усилиях никакой активности среди указанных министерств я не обнаружил, кроме рассматриваемой концепции Союза ректоров. Хотя приняты уже (в 2011 г.) кодексы профессиональной этики для государственных служащих практически всех министерств — очень своеобразные документы, но мы не будем их сегодня касаться.

Кроме этого, я хочу обратить внимание вначале на материалы, которые я буду использовать. Кодекс очень своеобразный, там есть большое количество очень специфических положений, содержание которых вызывает сомнение и критику, что требует, обращения к большому числу теоретических предпосылок, мировоззренческих, этических взглядов и т. д. Но это потребовало бы очень длительного обоснования, что затруднительно в рамках этого круглого стола. В связи с этим, я предлагаю ограничиться «текстологическим» анализом самого «проекта кодекса» и его минимальным сравнительным анализом с рядом документов. Во-первых, это «Великая Хартия европейских университетов» (1988), которая тоже может рассматриваться как этический кодекс. Значительная часть университетов России (тогда СССР) подписала ее в свое время, по крайней мере, ведущие университеты, вроде МГУ и СПбГУ, обязались выполнять те положения, которые там есть. Далее, это «Бухарестская Декларация этических ценностей и принципов высшего образования в Европе» (2004), которая была подписана официальными представителями со стороны Российской Федерации. Кроме того, это этические кодексы российских вузов, которые существуют на сегодняшний день, я буду на них ссылаться, как на имеющийся опыт — это будет

касаться только их документального содержания, практика применения — это отдельный разговор. И последнее — проект Закона об образовании. Когда я начал делать этот анализ, я в последний момент чуть ли не случайно решил посмотреть, может я что-то не понимаю, возможно есть какие-то очень своеобразные «веяния» современного законодательства. Обратился к этому проекту Закона, который тоже предполагается принять этой осенью, и в том числе обнаружил там некоторые моменты, которые являются существенными для предложенной Концепции Кодекса профессиональной этики образовательного сообщества. И это обращение оказалось очень полезным и плодотворным.

Мое выступление будет построено по четырем основным блокам. Первый — о структуре кодекса, который здесь представлен: о его достоинствах и недостатках. Далее затрону вопрос о «субъектности» этического кодекса. Затрону вопрос «этической доктрины». И проблему нормативности. Здесь речь идет о том, насколько этот кодекс и его положения в том случае, если он может быть принят, потенциально может оказываться действенным, то есть можно ли ему следовать. Понятно, что, будет ли он «действенным», это другой вопрос. Известны исторические примеры, когда между принятием «этического кодекса» и началом его «использования» проходит длительное время. Ставший почти хрестоматийным пример (на который, в частности, часто ссылается один из ведущих биоэтиков России, Юдин Б. Г.) с так называемым Нюрнбергским кодексом врачебной этики (1947), который, по сути дела, не был востребован до конца 1950-х — начала 1960-х г.

Первое — поговорим о структуре. На сегодняшний день отечественных вузовских этических кодексов довольно много. Они являются разнообразными, их структура, содержание, особенности функционирования зависят от целого ряда обстоятельств: целей, функций, видов деятельности, которые есть, и т. д. Крайними вариантами, если речь идет о кодексах, существующих в университетской жизни, являются, с одной стороны, кодекс МГУ, который фактически представляет из себя «этизированные» правила внутреннего распорядка. Если в правилах внутреннего распорядка написано, что преподаватели, студенты должны являться вовремя к началу занятий, то в подобного рода этических кодексах сформулировано, что, например, *моральным долгом* является приходить на занятия вовремя и т. д. В общем-то, такой кодекс тоже возможен, но он не относится к самым «удачным». И другой «крайний» вариант: «дек-

ларативные» кодексы. Именно такой, в частности, существует в Санкт-Петербургском государственном университете. «Моральный кодекс универсанта» СПбГУ это как десять заповедей, набор кратких общих положений в полторы-две строчки о том, что, «ребята, давайте жить дружно, давайте будем все хорошими!». Такой кодекс тоже является возможным, и даже действенным, но в силу «общности» сформулированных в нем положений, его трудно использовать для решения специфических этических проблем. В данном контексте, показательным моментом представляется то, что два главных (по крайней мере, с юридической точки зрения) университета страны демонстрируют столь «разнополярные» позиции в отношении этических кодексов.

Итак, о структуре. Следует отметить, что именно структура есть, по сути дела, одно из единственных достоинств кодекса. Можно обсуждать, такая ли именно модель кодекса должна быть положена в качестве основы этического кодекса профессиональной этики образовательного сообщества — это дискуссионный вопрос, но, тем не менее, такой кодекс вполне «имеет право на существование». Действительно, логика такова, что сначала некоторая общая часть, где сформулированы и направленность кодекса, и цель кодекса, вопросы, связанные с применением кодекса, потом идут ценности Вузовской корпорации, обращая внимание на специфику терминологии — об этом еще скажу. Здесь перечислены три основные ценности, и, что является признаком, скажем так, хороших этических кодексов, эти три положения содержательно раскрываются. Конечно, в данном случае остается вопрос о том, хорошо ли они раскрыты, согласен, например, лично я с тем, как они раскрыты, и что вложено в содержание той или иной ценности (об этом чуть позже). Тем не менее, это разворачивание соответствующего содержания. Потом сформулировано шесть принципов с их содержательными характеристиками, что понимается под этими принципами. И также, кроме одного принципа, дополнительно в конце каждого изложена концентрирующая норма отражения этого принципа. И потом базовые этические нормы, их всего 26 (двадцать шесть), и там действительно они выстроены по трем пунктам в соответствии с ценностями. И каждый предворяет формулировка, «опираясь на соответственно знания, служение, академическую свободу в преломлении вышеозначенных принципов представители образовательного сообщества и деятельности». И дальше идут нормы. В этом смысле такая достаточно понятная логика того, как выстраивается содер-

жание кодекса: от некоторых общих ценностей через принципы к нормам, в отношении которых предполагается, что конкретные представители профессионального образовательного сообщества могут руководствоваться в своей деятельности. Но здесь я еще раз повторю: при всем том многообразии этических кодексов, которые есть, эта модель, эта структура может быть вполне приемлемой и, в общем, хорошей. Должен сказать, что на этом мои хорошие замечания по поводу кодекса заканчиваются.

Дело в том, что при анализе самой структуры заметно, что «Проект Кодекса» является стилистически невыдержанным, одни и те же понятия и положения представлены в разных терминологических, а следовательно, смысловых значениях. Так, например, «Единство образовательного пространства» сначала сформулировано как *этический принцип* (ст. 5), затем, в ходе его характеристики «превращается» в *фактор* (п. 5.1), после чего трактуется как *норма* (там же). Следует отметить, что различие между этическими принципами и нормами имеет очень важное значение, особенно в сфере прикладных и профессиональных этики, и может быть отнесено к *хрестоматийным* положениям современного этического знания. В «Проекте Кодекса» четыре из шести этических принципов «превращаются» в нормы (пп. 5.1, 5.4, 5.5, 5.6). Это тем более удивительно, что ст. 6 называется «Этические нормы вузовской корпорации». Следовательно, можно сделать вывод о том, что авторы (составители) просто не знают разницы между факторами, принципами и нормами (особенно между последними) и используют их не в терминологическом и смысловом значении, а «как придется».

Дальше будет все «еще хуже». Первый вопрос, который вызывает некоторое недоумение — это то, что может быть условно названо «субъектностью», «адресностью» и т. д. этого кодекса. Дело в том, что профессиональная этика и, соответственно, «этический кодекс» (неважно, как он называется, поскольку в отношении кодексов, которые существуют в современных вузах России, очень много разных названий: и кодекс корпоративной культуры, где есть этическая часть, и кодексы чести, кодексы корпоративной этики, этические кодексы и т. д.) есть некоторое обобщающее название, обозначающее некоторый тип документа, то есть способ некоторой нормативной, написанной, принятой в установленном порядке с соблюдением некоторых процедур, кодификации этики профессиональной деятельности. В любом случае речь идет о том, что это *чей-то* кодекс, то есть должен быть субъект. Известно, что существуют дискуссии о том, суще-

ствует ли единая универсальная нравственность для всех времен и народов. Или же нравственность обладает некоторой локализацией с точки зрения исторических, культурных, социальных и прочих объектов. Но когда речь идет о нравственности вообще, то здесь об этом можно спорить, когда же речь идет о профессиональной этике, то здесь дискуссий, в общем-то, нет. Сама профессиональная этика — само дополнение прилагательного свидетельствует, что она *чья-то*, что должна быть профессия, кто является носителем, воплощает эти нормы или принципы. В «Проекте Кодекса», с одной стороны, вроде как понятно и в первой части написано достаточно четко, что настоящий кодекс регулирует деятельность соответствующих субъектов: научной, учебной, вспомогательной, административной. Дальше обнаруживается, что этих субъектов по тексту кодекса очень много, а если взять еще Постановление Российского Союза ректоров, кому адресованы предложения по обсуждению «Проекта Кодекса», то там количество растет чуть ли не в геометрической прогрессии, потому что оказывается, что преподавательские и учительские корпорации включают среднее и начальное образование (если речь идет об образовательном сообществе, то почему нет, действительно, но это же все-таки делает Союз Ректоров, и, в общем-то, какое отношение имеет ректор к начальному и образованию в детских садах — не очень понятно, как это выглядит, хотя все может быть). С моей точки зрения, здесь присутствует путаница в терминологии: в одной речи идет о субъектах, в другой — о так называемых, английский вариант, который очень сложно переводится на русский язык, *stakeholder*. В русском языке обычно переводят как «заинтересованные лица». И понятно, что те, кто перечислен, являются заинтересованными лицами в процессе высшего образования, с другой стороны, назвать их субъектами оказывается очень проблематично, тем не менее, они там постоянно звучат, как субъекты. Кроме того, еще оказывается, что, строго говоря, никаких положений в отношении федеральных, региональных органов власти, норм, непосредственно обращенных ни к учебно-вспомогательному персоналу, ни к администрации (за одним исключением — п. 5.1) и даже к обучающимся нет — последние только как объекты. Даже когда речь идет о вполне понятных нормах: преподаватели должны уважать личное мнение студента — он все равно как объект процесса обучения. Речь идет о норме, обращенной к преподавателю, который должен соблюдать определенные этические нормы, но нигде нет об этических нормах самих обучающихся. Далее, я не случайно обратил ваше внимание на то, что в на-

званиях разделов этического кодекса есть слово «корпорация». Здесь под корпорацией понимается очень большое количество субъектов, и не всегда из текста понятно, о какой корпорации идет речь: ведь это одновременно и система образования, как образовательное сообщество в целом, это и совокупность образовательных институций, это научные образовательные и студенческие сообщества, это сам по себе вуз как организация. Все эти значения, на самом деле, в том числе в отношении такого понятия, как корпоративная этика, существуют и могут применяться. Но когда речь идет о некотором документе, я сейчас обращаю на это ваше внимание, то это должно соответствующим образом выделяться. Когда это все пишется через запятую, то читающий, тем более, кто должен соблюдать соответствующие положения, то он, так или иначе, должен осознавать, к нему ли это обращено, какая корпорация в данном случае имеется в виду. Для того чтобы проиллюстрировать это, остановлюсь на одном моменте. Дело в том, что существенное обстоятельство, присутствующее в этическом кодексе, это сочетание, с одной стороны, образовательной, с другой стороны — научной деятельности. Нужно отметить, что и в мировой, и в отечественной практике в силу определенных причин, на которых я не буду останавливаться, этика научно-исследовательской деятельности развита несравнимо лучше, чем этика преподавательской деятельности. Такая ситуация не есть достоинство или недостаток, это есть специфика соответствующей деятельности. Одни виды деятельности требуют большей кодификации, другие — в меньшей степени. Это связано с некоторыми особенностями соответствующей профессиональной деятельности. Конечно, с одной стороны, вроде как мы все являемся научно-педагогическими работниками, но, тем не менее, обратите внимание, в ст. 3 речь идет о приоритетах научной деятельности перед образовательной. Но почему я, как преподаватель, должен рассматривать педагогическую деятельность как дополнительную, добавочную, вторичную по отношению к научно-исследовательской? Предлагаемое положение было сформулировано в концепции этоса науки Роберта Мертона, в рамках которого педагогическая деятельность действительно рассматривается как вторичная. И это находит свое отражение. Здесь же эта норма явным образом «иностранна», и не потому, что она плохая, а потому, что не преподавателям адресована.

Конечно, при этом остается проблема, что когда речь идет о субъектности, образовательная деятельность «разнопланова», «упорядочить» это в одном документе оказывается трудно, учитывая

достаточно сложные отношения, которые возникают в процессе образования при наличии многих субъектов деятельности, большого количества заинтересованных сторон и т. д.

Тем не менее, можно привести примеры, что во многих российских вузах существует отдельный кодекс для сотрудника и преподавателя, отдельный кодекс для студентов, или в «общих кодексах» присутствуют разные разделы. Дальше всех в этом плане пошел Российский университет дружбы народов — у него три этических кодекса (преподавателей и сотрудников, студентов, управленцев). Правда, речь в этих случаях идет о других «моделях» этического кодекса, с иной структурой. Если же речь идет об одном документе, со схожей структурой, то можно упомянуть «Бухарестскую Декларацию», в которой разделы кодекса разбиты на четыре части: отдельно сформулированы этические положения для «академического духа», отдельно для преподавателей, отдельно для руководителей в сфере образования, отдельно для научных сотрудников, то есть тех, кто занимается прежде всего наукой. При этом, следует отметить, что по своим предполагаемым статусу, целям и задачам «Бухарестская Декларация» и этот «Проект Кодекса» очень близки.

Оставляя данный вопрос, перейдем к третьей составляющей — это «этическая доктрина». Должен сказать, что появление этого термина есть удачный вариант, поскольку иногда возникает терминологическая проблема, связанная с тем, каким образом можно назвать некоторые аспекты этики, и в отношении чего зачастую используются понятия «моральная идеология», «моральная философия», но они редко бывают удачными в текстах этических кодексов. Здесь использовано такое понятие, как «этическая доктрина». Этот термин появился по аналогии с «правовой доктриной» как некоторой системой взглядов, которая задает понимание того, что такое право в целом, в том числе отдельных его составляющих, это такая «кодифицированная» философия и идеология одновременно. Использование термина «этическая доктрина» следует признать удачным. Сама по себе этическая доктрина, как я уже раньше сказал, развертывается через три сформулированные ценности.

Вопрос, который является, как мне кажется, значимым, — это вопрос о том, действительно ли то, что здесь перечислено, является ценностями, которые являются этическими. Можно долго рассуждать, что относится к ценностям, действительно, есть большая разница между значимыми для профессиональной деятельности положениями и собственно этическими, что не одно и то же (в равной

степени это замечание относится и к сформулированным в «Проекте Кодекса» принципам, поэтому для экономии времени я буду говорить сразу и о ценностях, и о принципах)

На эту тему можно прочитать целый учебный курс, я в данном случае просто сравню то, какие ценности и принципы представлены, например, в упоминаемой «Бухарестской Декларации». С одной стороны, там представлены некоторые общие идеалы, ценности, принципы, общие в данном случае — этически значимые, которые, собственно говоря, этическими не являются, но они являются этически значимыми для соответствующей профессиональной деятельности: образовательных университетов, систем высшего образования (уважение достоинства человека и его физической и психической неприкосновенности, принципы обучения в течение всей жизни, развитие знаний и совершенствование качества, доступность образования, участие в общественных действиях, активная гражданская позиция, недискриминация). И, собственно, моральные: честность, доверие, справедливость, уважение, добросовестность, ответственность, которые конкретизируются в положениях профессиональной этики. И сравнивая этот перечень со списком в «Проекте Кодекса», видишь что точек пересечения практически нет. И в этом случае возникает простой вопрос: если есть более или менее общепризнанная система ценностей и принципов (признание со стороны РФ зафиксировано подписью под этим документом), то зачем создавать кардинально другую? И как эти «перечни» будут соотноситься друг с другом, поскольку они явным образом выражают разные «этические доктрины».

Если говорить далее об «этической доктрине», то содержательно ее суть сводится к служению и подчинению каким-то интересам: государственных институций, социальных групп, корпоративных групп, интересам власти (а это уже что-то отличное от «государственных институций?»), работодателей, ассоциаций (?) работодателей, государства (а это отличается от власти и государственных институций?), широких слоев населения, задачам конкурентоспособности страны, выполнению общенациональных задач в интеллектуальной, экономико-технологической, социальной и культурной областях. При этом интересы ряда упомянутых «субъектов» (в частности, работодателей) выделяются как основания для «базового целеполагания профессиональной деятельности». В связи с этим становится понятным отсутствие каких-либо значимых различий (кроме «набора слов») в определениях «служения» и «ответственности»: оба они

представлены как подчинение. Интересно, что интересы обучающихся упомянуты всего один раз, а о собственных интересах образования можно лишь догадываться. Кроме того, в «Проекте кодекса» присутствует своеобразный «наивный морализм», предусматривающий, что интересы столь различных упомянутых «субъектов» всегда будут совпадать (например, интересы государства и бизнес-корпораций в отношении образования?).

Сравнивая эту «квинтэссенцию» этической доктрины с другими документами, наблюдаем следующее: они кардинально противоречат. В «Великой Хартии европейских университетов» первым пунктом после преамбулы четко и ясно написано — «независимость от любой политической и экономической власти, не следование этим...» Вряд ли можно подумать, что представители европейских университетов живут в каком-то другом мире, что там нет интересов политической власти, там нет интересов работодателей, экономических групп, корпоративных и прочее. Тем не менее, в рамках этической конструкции, это выглядит достаточно четко.

Следующее — «Бухарестская Декларация». Обратите внимание, здесь в данном случае экономическое воплощение ценностей, принципов — это баланс между общественным благом и коммерциализацией услуг, что, в общем-то, является общемировой тенденцией. Бухарестская Декларация делает это чуть ли не центральным своим моментом, фиксируя проблемы, которые в связи с этим возникают, и как они должны решаться, но при этом акцент, приоритет делается однозначно — именно в отношении фундаментальных академических ценностей.

Следующим пунктом стоит упомянуть положения «Проекта Закона об образовании»: первая статья: образование — это общественно значимое благо. Это означает, что ценность (значимость) образования несводима к тем социально-значимым функциям, которыми оно обладает, что образование понимается именно как самостоятельная ценность, а не с точки зрения его «служения» и «подчинения», «выполнения социально-значимых задач» и т. д., иными словами, не в пруденциально-расчетливом понимании «блага». Будет хорошее образование — это благо для общества само по себе, и теми последствиями, которые следуют из качественного образования.

Теперь нормативность. Как я уже сказал, что нормативность в данном случае я буду рассматривать с точки зрения того, если этот кодекс будет принят, можно ли им вообще руководствоваться. Напоминаю, что некоторые проблемы: а) субъектность — адрес-

ность — непонятно, кому адресовано, что такое корпорация, о какой идет речь и т. д., чьи интересам должны подчиняться и т. д., б) отношение к этике, в том смысле, что не все нормы имеют отношение к этике, а некоторые положения этической доктрины имеют сомнительную моральную ценность, что уже свидетельствует о том, что ее соблюдение практически невозможно.

Но кроме этого следует отметить и существенную несогласованность положений «Проекта Кодекса», некоторые нормативные положения оказываются в «странных» местах текста, что вызывает вопросы. Например, почему положение «Данная норма предполагает обязанность представителей образовательного сообщества к ведению научно-практической деятельности с участием в ней представителей других академических поколений» попало в пункт «Паритетность обучения и воспитания», а не в пункт «Преемственность образовательной практики»? И кто отвечает за соблюдение этой нормы: сами преподаватели? администрация вузов? обучающиеся? кто-то еще? (Подобные вопросы могут быть адресованы практически всем положениям «Проекта Кодекса».)

Кроме того, следует зафиксировать наличие нормативных положений, адресованных неизвестно кому. В качестве примера можно привести крайне сомнительную в этическом отношении норму: «Данная норма предполагает обязанность представителей образовательного сообщества к организации и участию в регулярных мероприятиях, направленных на развитие академической мобильности, прежде всего, в дотационные регионы». (Принцип «Единство образовательного пространства».) К кому она обращена? Кого обязывают организовывать эти мероприятия? Почему дотационные регионы? Эта норма (по крайней мере, в части «организации») может быть (предположительно, но об этом можно только догадываться) отнесена к вопросам, находящимся в ведении органов государственной власти, и в этом смысле представители образовательного сообщества могут только принимать участие в их решении, но это не может быть им вменено ни в качестве собственно профессиональных, ни в качестве этических обязанностей.

Следует отметить, что еще довольно много положений «Проекта Кодекса», которые вызывают сомнения и могут стать предметом обсуждений, но сказанного достаточно, чтобы сформулировать основной вывод.

Вывод: предложенная «Концепция Кодекса профессиональной этики образовательного сообщества» является противоречащей в

своих существенных положениях этическим ценностям, нормам и принципам научного и образовательного сообществ, в том числе и сформулированным в ряде международных этических документов в сфере высшего образования, предложенная «этическая доктрина» не согласуется с действующим российским законодательством в сфере образования. Указанные недостатки перевешивают незначительные достоинства указанного документа, в связи с чем он не может быть улучшен путем исправлений и редакторской правки, а должен быть создан заново. Его принятие (даже в исправленном и скорректированном виде) нанесет серьезный ущерб российскому высшему образованию, его престижу и авторитету.

Спасибо за внимание. Вопросы? Суждения? Комментарии?

Косых М. П.: Кроме критики и насмешек, Вы, я так понимаю, предлагаете и что-то позитивное. Следует ли оставить эту базовую модель и структуру кодекса? Там намечено в статье 3 «Применение кодекса»: «Кодекс определяет базовые параметры» — и это есть, «направленность правил поведения» — тоже есть. А что касается «положения в части определения порядка принятия решений» — там этого порядка нет, и «указания на неприемлемые формы поведения» — тоже отсутствуют, и это очень важно. Их нужно либо вносить, либо от этих позиций отказаться. Еще мне было бы интересно услышать Ваше мнение по поводу общей цели кодекса, она меня тоже немного насторожила. Там написано: «адаптировать к современным реалиям систему традиционных корпоративных установок российской образовательной корпорации» — они не прописаны. Еще нужно уяснить, и мне хотелось бы услышать от Вас, как Вы поняли, что значит «адаптировать»? С одной стороны, это «приспособить», тогда есть что-то традиционное, что мы принимаем, и это можно как-то приспособить, а с другой, это — «упростить», то есть облегчить это применение.

Перов В. Ю.: Дело в том, что именно то, что значит «адаптировать» — в этом смысле оказывается не очень понятным, потому что цитату, которую я приводил из «Бухарестской Декларации этических ценностей и принципов высшего образования в Европе» — это проблема рассмотрения (речь в данном случае не идет только о высшем образовании) образования — то ли это некоторое социальное благо, то ли это сфера услуг. И важно, что в «Бухарестской Декларации» это зафиксировано как проблема, и обозначены приоритеты, в то время как в этом «Проекте Кодекса» это даже не упомянуто как проблема, а решение (крайне сомнительное с этической точки зрения) фактически предложено. Потому что понятно, что в

данном случае все эти варианты «служения, подчинения» и т. д. — это тенденция превращения образования в сферу услуг, причем с требованием наличия «потребителей» образовательных услуг. Но что-то я не вижу в Университете, ни в других вузах толпы работодателей, которые осаживали бы их, готовы были объяснить внятными образом, какого рода выпускники им нужны — потому что образование это иной вид деятельности, чем просто услуги. Это действительно «общественно значимое благо», которое (в силу важной значимости последствий своего существования) является полезным для общества.

Косых М. П.: Тогда, не стоит ли разводить ценности, именно как конечные цели, неморальные блага, и принципы, как правила, выполнение которых ведет к этим неморальным благам? И служение никак не может быть целью, потому что оно нечто промежуточное.

Перов В. Ю.: Именно это я и имел ввиду.

Косых М. П.: Понятно. Спасибо. Тогда еще несколько мелких вопросов. Как Вы относитесь к тому пункту, который выдвигает в качестве обязанности осуществлять образование, не принимая во внимание здоровье? Это пункт 5.2. «Единство образовательного пространства». Вы обратили внимание на то, что все интересы в одну кучу свалены, и служение интересам власти, и интересам широких слоев, и работодателей. Там среди прочего есть возможность получения образования независимо от состояния здоровья. Если все-таки будет какая-то редакция, то в дополнение, либо это в сфере идеала прописывать, либо с уточнением: «Стремиться к тому, чтобы расширять эти возможности». В некоторых профессиях мы не можем игнорировать требования к здоровью: вряд ли можно готовить музыкантов без слуха, живописцев слепых и т. д. Одно дело, мы будем бороться за то, чтобы расширялись возможности людей с, так называемыми, ограниченными возможностями, это благородно и прекрасно, другое — если это выступает в качестве норм и обязанностей. Тогда нужно объяснять людям, почему вы нарушаете обязанности и не позволяете им заниматься теми видами деятельности, которыми они физически заниматься не могут.

Перов В. Ю.: Хорошо, спасибо большое. Еще, пожалуйста, вопросы и комментарии.

Курочкин С. С.: Вадим Юрьевич, скажите, пожалуйста, Вы сказали, что наивно считать, что интересы власти и бизнес-корпораций

совпадают, но сейчас, скорее всего, это так, а в идеале, как Вы считаете, разве они не должны совпадать?

Перов В. Ю.: Нет, конечно. Слияние бизнеса и власти можно наблюдать у нас в стране очень заметно, но сейчас речь не об этом. Почему Вас удивляет мое суждение? Сергей Сергеевич, в чем цель бизнеса, любой бизнес-организации? Получение прибыли. Это нормально, это действительно правильные интересы в рамках существующей рыночной экономики. Вы можете сказать, что целью государства является извлечение прибыли?

Курочкин С. С.: Нет.

Перов В. Ю.: Дальше — у них разные цели, это разные виды деятельности и т. д. Они могут сосуществовать, это не значит, что они обязательно должны находиться в конфликте в том смысле, что выйти на улицу и бороться друг с другом. Речь о том, что когда эти конфликты возникают, существуют определенного рода механизмы этих решений: это могут быть политические средства, это могут быть экономические, юридические и т. д. Наряду с этими, существуют, в том числе, и этические средства. В данном случае мы не говорим о том, что данный кодекс призван решать этические проблемы между властью и бизнесом — верно? Это другая сфера. Но, когда речь идет о некотором виде деятельности, в данном случае — образовании, то здесь речь идет не о том, что эти интересы здесь не должны никаким образом учитываться, но они должны учитываться таким образом, чтобы были понятны определенные приоритеты. Здесь же это все смешано. В ситуации, когда эти интересы расходятся, что мне, как преподавателю делать? К власти бежать? К бизнесу? Еще куда-то? Конечно, у власти есть экономические интересы, у бизнеса есть интересы воздействия на власть, но это разные виды деятельности, а следовательно, различные интересы в отношении образования.

Овчинникова Е. А.: Я абсолютно солидарна с высказанными суждениями и хочу сделать некоторые дополнения. При чтении кодекса у меня сразу же возник вопрос, когда я увидела в тексте термин «служение», вернее, «служение как ценность». Я оставляю в стороне стилистические и терминологические неточности и ошибки кодекса, потому что коллеги, наверное, обратили внимание, что сначала те или иные позиции прокламируются как принципы, потом о них же говорится как о факторах, а в конце как о нормах. В данном случае, мне кажется, главное, что не выдерживает кодекс — это этическая точность и понятийно категориальные структуры — первое, что бро-

сается в глаза, даже не говоря о содержательной стороне, — это несоответствие, несоответствие элементарному понятийному формату: принципы, нормы, ценности. Но все-таки я хотела ваше внимание обратить на проблему служения. Звучит очень красиво, но мы встречаем в кодексе выражение «служение как ценность», то есть «служение» — это ценность, как таковая, дальше в тексте кодекса пишется, что «служение» — фактор «обеспечения национальной безопасности и интересов государства», то есть служение — ценность, фактор, норма — все вместе. Но в данном случае я свои размышления поставлю в русле одного из сюжетов, в рассуждении прозвучавших, а именно — проблема субъектности. Когда возникает понятие «служение», то сразу же в голове выстраиваются все русские падежи: кому, кого... Действительно, субъектность: служение кого, служение кому? Я уже не говорю, что в моей голове, напичканной всякими цитатами из русской классики, возникает сразу же первый же сюжет: «Служить бы рад ...» Поэтому у меня термин служение вызывает смысловой ряд, связанный с проблемой службы. Я к сегодняшнему дню — позвольте мне одну цитату, она очень красивая, давняя, позапрошлого века? — «Проблеск сознания о том, что государство должно заботиться о народном образовании, независимо от непосредственного приложения его к государственной службе, проблеск, отмеченный нами в конце XVII в., погас. Крайнее развитие полицейского характера государства, характеризующее новый век, когда государство становится источником и целью всякой человеческой деятельности, вовсе не благоприятствовало развитию и укреплению высказанного принципа. Государство не призвано служить интересам личности человека, а вся личность, со всею совокупностью моральных сил, есть покорный слуга государства. Уже с самого первого года XVIII в. русское законодательство начинает высказывать, что оно не признает никакой другой цели в образовании, кроме значения его пригодности для той или другой профессии... Государство заботится о том, чтобы военная, гражданская и духовная служба отправлялись наилучшим образом. Все, что мы называем узаконениями об образовании, в точном смысле составляет узаконения о государственной службе. Понятия службы и образования смешиваются». Это 1874 год, это исследователь народного образования, М. Владимирский-Буданов, пишет о петровском времени. Мне эта цитата сразу пришла на ум, как только я увидела проблему служения. Возникает вопрос: служение в контексте образования предполагает, что его субъектами являются, вероятнее всего, преподаватели и образовательная среда, я имею в виду научных сотрудников, преподавателей. В контексте наших размышле-

ний вспоминается интересное суждение Георгия Петровича Федотова о том, русская интеллигенция возникла во времена Петра I, источник ее возникновения, основа — государственная власть; власть в лице Петра в данном случае создает целый слой образованного общества, которое служит государству, которое обязано осуществлять государственные реформы, преобразования; то есть изначально этот слой в обществе создается как слой интеллектуально служивых людей. Таким образом, задача этого образованного просвещенного слоя, прежде всего участвующего в процессе образования, это исключительно служба государству, вернее государю. Но в начале XIX в. происходит ценностная переориентация, это проявляется не только в сознании декабристов, но вообще в поколении 20-х годов XIX в., когда понятие службы начинает несколько иначе интерпретироваться. То есть служение не просто государю, в его лице государству, а, прежде всего, — народу и отечеству. Это очень важный момент: пусть народ начинает восприниматься достаточно абстрактно, но, тем не менее, мне кажется, какой-то кардинальный ход происходит в переосмыслении службы — служения (в некоторых текстах XIX в. эти термины достаточно синонимично звучат), в них закладывается особый смысл — служение именно благу Отечества, благу как некоей пользе, социальному благу, но уже не государству как таковому. Я бы сказала, что здесь разводятся эти понятия: государства и общественного блага. Истоками этого переосмысления служения явились, с одной стороны, идеи XVIII в., а практически — это война 1812 г., то есть историческая практика, исторический опыт, который позволяет по-новому осмыслить служение. Прочитав этот кодекс, я вспомнила этот сюжет, потому что очень часто в кодексе говорится об обращении к традициям. Хотелось бы как-то эти традиции осмыслить, традиции служения. Традиции служения, но никак не государству и не власти. Более того, вся история университетов — это история идеологии, история достаточно конфликтная, некоего политического противостояния, университеты представляли территорию свободы, которая всегда, на протяжении XIX в. ущемлялась. Вы же помните из истории преподавания философии, что и философия не читалась: «Польза не доказана, а вред очевиден», а этику почему не преподавали длительное время — потому что попечитель Казанского округа Леонтий Магницкий (конечно же, не только это обстоятельство повлияло на то, что этику не преподавали довольно длительное время), просмотрев конспекты студентов, пришел к выводу, что студенты «следуют некому Категорическому императиву без всякого на то надзора». Университетская история России очень сложная. Одна из

важных проблем, которые следовало бы осмыслить и обсудить — это, конечно, мораль и идеология. Что имелось в виду в кодексе под термином «служение» — это, конечно, политический сюжет служения власти. И мне кажется, как раз история российских университетов, история бытования их, история преподавания, существования самих университетов, как раз говорит нам о том, что университеты стремились выработать пространство своей свободы, некий особый образ служения народу, Отечеству, обществу, общественному благу. Поэтому мне кажется, это те ценности, на которых исторически могло бы основываться сегодняшнее нравственное представление об университете.

Щукин Д. А.: Я хотел бы продолжить мысль Вадима Юрьевича и Елены Анатольевны и обратиться к понятию традиций — оно неслучайно так часто встречается в тексте. С этого начинается кодекс: «Развивая высокие традиции отечественной академической корпорации...» Мне кажется, по духу кодекс напоминает цеховой средневековый кодекс. Недавно я ознакомился с документами, которые регламентировали деятельность Лондонского королевского научного общества — один в один.

Более того, мне кажется, что сам дух кодекса полностью соответствует духу этих документов, не этических, безусловно, но, тем не менее, направленных на организацию внутреннего распорядка существования королевского общества. Здесь, в частности, речь идет о «замечательной» формуле «Все уже открыто», которую в 85 г. в XIX в. сформулировало Лондонское общество. Когда читаешь кодекс, также возникает ощущение, что в рамках научной деятельности все, что можно было открыть, уже действительно открыто. Очевидно, что кодекс устремлен в прошлое, и фраза о необходимости адаптации «к современным реалиям системы традиционных корпоративных установок российской образовательной корпорации» звучит как компромисс, которого на самом деле не существует, как видимость компромисса.

Сюда же относится и проблема смешения профессиональных и корпоративных кодексов — перед нами совершенно отчетливый корпоративный кодекс. Корпоративный кодекс должен описывать следование интересам корпорации, профессиональный — следование интересам профессии. Хотя здесь упомянута академическая свобода личности...

Перов В. Ю.: Хочу обратить внимание, там вынесена академическая свобода личности (подчеркиваю — только личности). Конечно, никто не скажет, что это плохо. Но складывается впечатление, что об академической свободе образования согласно кодексу речь идти не может.

Шукин Д. А.: Этот пункт 6.3. — «Опираясь на академическую свободу личности как ценность...» — рассказывает нам об академической свободе личности. Он начинается с фразы: «Согласует академическую свободу с ответственностью перед образовательной корпорацией и государством». Следует предположить, что профессиональная научная деятельность основывается во многом на некоем творчестве, на попытке преодолеть силу традиции, но в кодексе этого нет. Здесь говорится о защите интересов корпорации, которая не мыслима без традиции. Возникает проблема субъекта, о которой Вадим Юрьевич уже упоминал.

Устремленность в прошлое связана и с попытками внести элементы здорового бытового прагматизма, когда речь идет о том, что все теоретические наработки должны использоваться в прикладной деятельности и соответствовать интересам работодателя. Подобная формулировка проблемы также отсылает к ситуации, которая сложилась в 80-е гг. XIX в. Все открыто, но, тем не менее, мы, к примеру, сможем создать более точные часы, которые будут основываться на ровно тех же законах. Жертва мастера, который потерял три пальца, делая эти часы, позволит продвинуться не в научном, а скорее, в ремесленном смысле.

Традиции являются достаточно зыбким основанием для этической аргументации, тем более в таком виде. Если бы в качестве основания прибегали к общезначимым человеческим нормам, было бы все понятно, потому что они, например, зафиксированы в Декларации прав человека и могут подтверждаться с помощью определенных, не только традиционных, но и рациональных, конвенциональных аргументов. Здесь голая традиция. Нам не пытаются объяснить, что общество будет, например, функционировать более эффективно, нам просто говорят, что определенная традиция уже сложилась, в силу чего мы должны ей следовать. Своеобразная самореферентная система.

Я вижу уже обозначенную маргинальность кодекса и в том, что не совсем понятно, какой он носит характер, это проблема многих кодексов, — дескриптивный или прескриптивный. С одной сторо-

ны, в первой же статье мы читаем о том, что настоящий кодекс описывает этические установки, через три параграфа мы видим, что он определяет базовые параметры и носит предписывающий характер. Он все-таки описывает или предписывает? Ответить на этот вопрос в рамках кодекса практически невозможно. В общих чертах все.

Бондаренко Л. И.: Я согласна со всеми выступавшими. Очень понравился глубокий анализ Вадима Юрьевича. Хочу сказать, что документ на самом деле не отвечает сути кодификации принципов. Автор не видит разницы между нормой и принципом как технологиями нравственной регуляции. Норма, по сути — это правило поведения в конкретной ситуации, но ситуации уникальны, часто неповторимы, подчас не имеют жесткого, определенного образца. Именно поэтому в истории человечества на высоком уровне развития нравственного сознания появился такой регулятор, как принцип. Принцип — это наиболее общая идея, на основании которой человек с развитым интеллектом в состоянии смоделировать правила поведения в конкретной ситуации. Это потрясающий инструмент регуляции. Руководствуясь тем или иным принципом, каждый из нас должен получить помощь в ситуациях профессионального общения, когда нет четкой ясности того, что делать. Принципы должны рождаться в профессиональной среде. Совет ректоров обращается к федеральным, региональным органам государственной власти с предложением об участии в подготовке проекта. Неужели государственным органам власти виднее наши проблемы: когда мы не знаем, что делать: ставить двойку или тройку; скрыть результаты исследования или открыть их? Я не вижу, как это все можно было бы доработать, то есть это не просто редакторская правка, нужен другой текст. И хотелось бы сказать, что именно образовательное сообщество страны должно сформировать для себя моральный кодекс. Спасибо.

Перов В. Ю.: Можно комментарий? Я хочу сказать, что, поскольку авторства нет, неизвестно, кто писал, но явно, что «ни один этик не пострадал при написании этого документа». И это тем более странно, что у нас в стране есть очень хорошие специалисты в области создания этических кодексов, например кодексов научной этики. Например, Р. Г. Апресян, который возглавляет сектор этики Института философии Российской академии наук. В частности, он возглавлял рабочую группу по (туда еще входили упомянутый Б. Г. Юдин и О. И. Кубарь) «Декларации об этических принципах

научной деятельности» для Межпарламентской Ассамблеи стран СНГ. Я принимал участие в ее обсуждении и хочу сказать, что это очень достойный документ. Да, некоторые его положения, может быть, могли бы быть незначительно скорректированы, но это скорее предмет возможных дальнейших улучшений этого документа. Хотя в отношении него можно и вспомнить классическое: «Лучшее — враг хорошего». Я мог бы назвать еще целый ряд имен, но большинство из них вам и так знакомы. И для меня очевидно, что если бы к рассматриваемому «Проекту Кодекса» приложил бы руку кто-то из специалистов в области этики, то такого безобразия мы бы не наблюдали. Пожалуйста, кто еще хочет высказаться?

Положенцев А. М.: У меня напрашивается несколько вопросов более абстрактного характера. Никто не станет спорить, что нужно приветствовать всякое творчество в области этики. Рефлексия на нравственную тему является основанием разумности. Не станем сетовать, что нравственность в нашем веке «забыта»: мы не встретим здесь сочувствия, схожего с сокрушениями по поводу «забвения бытия». Само выражение сочувствия к морали выглядит после — Маркса, Ницше, Фрейда, Революции, Освенцима, Хиросимы... — как циничное морализаторство¹. Спасибо и на том, как говорится. Могли бы обойтись и без морали.

Честно сказать, работа по созданию и декларированию какой-либо «официальной морали» (ведь говорят об официальной морали американской Конституции)² должна заслуживать всяческого содействия, поощрения и восхищения. И хотелось бы, чтобы это была действительно «мораль», то есть система положений, основанных на идее нравственной, а не на гетерогенных целях (общественной пользе, служении демагогическому квазисубъекту, торжеству прогресса или миру во всем мире, патриотизме и пр.). На базе такой официальной морали могла бы быть выстроена и профессиональная этика, допустим, преподавателя или ученого. Действительно,

¹ Современная философия пытается придать этим событиям человеческой истории значение переломного момента. В свое время Вольтер, Лейбниц, Кант, Геге пережили религиозный кризис после Лиссабонского землетрясения. Однако вспоминаем ли мы о нем, читая «Теодицею», «Фауста» или «Критику практического разума»?

² Например, А. В. Назарчук полагает, что постконвенциональный уровень морали Л. Кольберга является такой официальной моралью правительства США. См.: Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества. М., 2002.

были ведь и Десять заповедей, и «Моральный кодекс строителя коммунизма», и было бы хорошо иметь под рукой некое специфическое руководство, дающее правило для решения задач, требующих вмешательства совести. Ведь говорится же в клятве Гиппократа и про яд, и про сексуальные отношения с пациентами, хотя античный человек знал и про «не убий», и про «не прелюбодействуй». Известные мне некоторые западные этические кодексы были именно такими пособиями, регулирующими вмешательство ученого в частную и социальную сферу. Профессиональные интересы часто вступают в конфликт с общественными или с интересами клиента, и такие кодексы являются практическими руководствами для различения нравственного поступка от требований профессиональных и т. п. Деятельность ученого может нести и экологическую угрозу, и психологическую, и социальную.

Однако, в нашем случае мы имеем дело с феноменом, требующим особого исследования. Здесь субъектом моральных предписаний является «образовательное сообщество». Нам известны различные типы этик. Аристотель определял этику как искусство политической жизни, регулирующее отношения между свободными («друзьями»). Раб и хозяин, отец и сын, начальник и подчиненный, боги и люди находятся в иных отношениях. Именно свободный муж нуждается в этике. В случае же с нашим кодексом мы вступаем в новые для классической этики отношения, поскольку имеем дело с новым типом субъекта. Данный кодекс показывает, что в российском языковом пространстве имеется особый язык, функционирующий в качестве «языка власти», основная задача которого состоит в осуществлении коммуникации между сообществом и неким квазисубъектом, обозначаемым термином «государство». У нас есть определенный язык, и его наличие позволяет говорить о ситуации диглоссии: есть два языка, об одних вещах, в одних ситуациях нужно говорить на одном языке, о другом — на другом. Лингвистическая сторона дела исследовалась в восьмидесятых годах прошлого века. Так, швейцарский лингвист Патрик Серию анализировал речи Брежнева и Хрущева на партийных съездах в качестве образцов подобного дискурса. Возник даже термин «деревянный язык». Его материя неэластична. Подобный вариант языка в Китае назвали «свинцовым языком». Партийные и государственные деятели «воюют» с помощью языка, как бы стреляют словами. Борис Андреевич Успенский, изучавший диглоссию русского и церковнославянского языка в Московском царстве в XVII–XVIII вв., отмечал

черты структурного родства церковно-славянского языка и тех языковых процессов, которые происходили в СССР в 30-е г. (в эпоху сталинизма). Существуют вещи, о которых можно говорить только на одном языке, и, таким образом, существуют вещи, о которых нужно говорить только на другом. Если вы станете их смешивать, вы впадете в самое настоящее кощунство, вы сможете быть привлечены к моральной ответственности (он даже приводит примеры требования ответственности уголовной) за то, что используете этот язык не в том контексте.

Если вы посмотрите на текст обсуждаемого здесь кодекса с этой точки зрения, вы обратите внимание на то, что он написан именно таким «деревянным» языком. Ему предшествует «Постановление» весьма высокой инстанции, которая апеллирует к не менее высокой, но абсолютно не моральной цели — «эффективности решения задач социально-экономического развития государства», носит следы политической конъюнктуры («кодекс... призван объединить исторические ценности и принципы образовательной корпорации с академическими новациями»; вопрос: а почему не инновациями?), он обращается к «широким слоям населения», «широким коллективам», использует номинализацию (основной признак деревянного языка), основанную на субстантивации абстрактных понятий. Все сделано в лучших традициях жанра «постановлений партии и правительства». Но результаты, к которым приходили исследователи «деревянного языка», заключаются в том, что мы имеем дело не с содержательным текстом, а с так называемым фатическим сообщением, которое не несет информации о том, что нужно делать, оно просто заявляет о том, что я — такая-то структура, такой-то орган, такой-то субъект. А то, за что подобный дискурс оценивается как тоталитарный или деревянный, его неопределенность, непонятность, тяжеловесность, декларативность, туманность — есть его цель, а не ошибка. Двусмысленность и логическая расплывчатость этих суждений, это тоже свойство этого текста, оно не получается просто в результате того, что кто-то не умеет писать, эти черты являются специфическим инструментом организации этого текста: кто знает, тот поймет.

Мое скромное знакомство с кодексами американских антропологов и нанотехнологов позволяет заключить в том, что есть определенное количество специфических проблем, которые могут быть отрегулированы только нравственным образом, вмешательством совести. Необходимо некое руководство, поскольку именно моя

профессиональная деятельность приводит меня к необходимости морального выбора. Здесь же, в нашем кодексе никакие нравственные проблемы не решаются, он устанавливает взаимоотношения нас с неким превосходящим нас Субъектом, государством, властью, самой корпорацией («образовательным сообществом»). Как следует понимать, например, такую фразу: «Этические принципы описывают безусловные свойства процессов жизнедеятельности учебных заведений, механизмов решения образовательных задач и организации профессиональной деятельности каждым членом образовательной корпорации»? В таком духе этот кодекс можно бесконечно анализировать, особенно то, каким образом все это отнести к этике? Он наполнен декларациями, с которыми не поспоришь, но которые совсем не помогают решать нравственные проблемы, поскольку это сообщение — фатическое. Этот кодекс констатирует определенную реальность, он за нее отвечает, он выстраивает онтологию, это будет та реальность, в которой мы будем жить, и мы будем ей служить, подчиняться, поклоняться или еще что-то делать. Конечно, здесь нет таких абсолютно необходимых вещей, как категорический императив, нет определений того, что мы должны понимать под благом и злом в педагогической и научной деятельности, ни разу здесь не возникло экологической проблемы. Ведь научная деятельность сопряжена с опасностью породить социальное и экологическое зло. Образуется новая форма субъекта, о чем вспоминала здесь Елена Анатольевна: сначала служили царю, потом Отечеству, теперь — корпорации. Это правильно организованный текст, в нем нет прямой информации, руководства к действию. Ведь не сможем же мы как представители образовательного сообщества в своей деятельности сохранять свою самоидентификацию с образовательной организацией, являющейся основным местом работы или обучения, подтверждая ее в процессе широкой научно-образовательной активности и в России, и за рубежом, в том числе, при контрактной работе и т. д. По сути, речь идет о социальной паранойе. Всему этому предшествует Постановление, подписанное президентом РСР (титлы, еще один рецидив сакральных корней этой диглоссии).

Данный текст, скорее, относится к жанру постановлений и подзаконных актов. Он декларирует новую социальную волю, которая не желает ничего упускать из сферы своего внимания и контроля, даже (а быть может — особенно) то, что всегда принадлежало царству свободы. На деле он даже не думает «заморачиваться» с мора-

лю. Что действительно заслуживает анализа, так это вопрос о том, зачем создавался этот кодекс? Какую цель преследовали его авторы? Чем обусловлена необходимость бюрократической институционализации морали? Но, боюсь, что это останется для нас тайною.

Щукин Д. А.: Можно маленький комментарий: это ситуация, когда у нас дискурс пишет сам себя, субъекта, который писал, по сути, нет, он порождается самим собой, сам текст порождает.

Гусев Д. А.: Не то что дискурс пишет сам себя, понятно, он еще и нас в итоге пишет. К сожалению, все заканчивается этим. Поэтому мы здесь и сидим, потому что нам не все равно.

Перов В. Ю.: Кто хочет еще высказаться? Хорошо, всем спасибо. И хочу выразить надежду, что высказанные замечания обретут форму какого-то документа (например, рецензии), положения которого будут учтены при принятии кодекса.

Этический анализ

«Концепция Кодекса профессиональной этики образовательного сообщества»*

Перов В. Ю.

Постановлением Совета Российского Союза Ректоров от 25.06.2012 № 3 (далее — «Постановление») была принята и предложена для широкого обсуждения концепция кодекса профессиональной этики образовательного сообщества (далее — «Проект кодекса»).

Проведенный анализ «Проекта кодекса» дает основание признать его полную неудовлетворительность, в силу:

а) терминологической и стилистической безграмотности;

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ (Проект № 12-03-00505).